

- Эй, Короста, пупок не развяжется?

Это Оська кричал, я даже не обернулась. Я давно научилась не реагировать на свое прозвище. Но если Славомир, мой брат, узнает, что этот хряк безмозглый меня донимает, остатки ума из его тупой башки выбьет. В лицо меня так почти никто не зовет - бояться. А за спиной, да между собой иначе как Короста не кличут. Все из-за безобразного темного родимого пятна на моем лице. Сначала оно с горошину было, матушка любовалась им, мол какая девка пригожая получилась. А к восьмому годку разрослось до размеров медяка. Тогда то и начались издевки. Чумазой стали называть, пальцем тыкать. А кто и камнем кинет. в один день так меня довели, что прибежала я домой в слезах, схватила нож со стола да и стала скоблить пятно, что есть силы. Ладно, Славомир увидел, выхватил у меня нож и как есть, всю в крови, к Веде отнес.

- Дура ты, Гневка, Боги тебя отметили

Веда промыла мне рану чистой водой и наложила повязку из сушеных трав.

- Проказой этой? За что твои Боги так злы на меня? Что я им сделала?!

Обида и злость так и кипели во мне. Даже больше злость, чем обида.

- Они и твои Боги. Отметили, значит приглянулась ты им.

Я тогда долго ходила с опухшей щекой. На расцарапанном лице, кроме уродливого пятна, красовалась еще и запекшаяся кровь. Тогда то меня и прозвали Коростой. Даже сестры младшие нет-нет, да обзовут. Они то ладные вышли. Белолицие да краснощекие - женихам на загляденье. А меня какой жених возьмет? Разве что слепой! Только Славомир меня все утешал.

- Не лицо в девке главное, Гневка - говорил он мне.

- Не лицо, так титьки! - отвечала я. Титьки на тот момент у меня еще не выросли, так что мне в двойне было обидно.

- Это тоже, - смеялся брат, - но не только. Ты сердцем на мир смотришь, и руки у тебя ловкие. Это главное.

Но чем старше я становилась, тем больше убеждалась - титьки и лицо. А если еще и бедрами вилять умеешь, то цены тебе нет и в девках не засидишься.

К пятнадцати мое пятно расти перестало. Да и куда уж больше - размером с ладонь расплзлось. Коросты превратились в шрамы, и красоты мне это не добавляло. К тому времени я и к уродству своему привыкла, и к новому имени. И к мысли, что всю жизнь в девках ходить буду.

Мне уже семнадцать минуло, а так ни один жених не сватался. Мать только вздыхает да причитает:

- Как же Милку с Липкой замуж выдавать, коль старшая незастватана ходит? Ох, беда-беда.

И правда беда. Беда с мерзким именем Короста.

Я остановилась, чтоб коромысло поправить, а не потому, что Оськины слова меня задели. Мать меня к колодцу за водой отправила - скоро Семик, нужно избу прибрать, да сарафаны выстирать. Праздник же великий. Колодцев у нас всего два на весь город - один у корчмы, другой на товарной площади. На товарной людей больше, но оттуда до избы ближе. А ведра ох какие тяжелые, так что я всегда путь покороче выбираю. Да к тому же солнце палит, жарко, шея потеет. Поставила я ведра, перекинула косу, передохнула и дальше пошла.

Трех хат до дома не дошла, как из переулка крики мальчишеские слышались:

- Ну что, напился? пей, сказал! Хлебай!

- Да ты шибче его махай, полностью!

- Крепче его держите, вырывается сопляк!

У меня пелена глаза заволокла. Бросила я ведра и скорее на звук. Завернула за угол, да так и застыла: трое взрослых парней держат четвертого и в лужу его кунают.

- Утопите же! Что ж вы творите, сволочи!

Бросилась я на них с кулаками, да куда там. Как перышко меня отшвырнули.

- не лезь, Гневка, заслужил он.

Даже не посмотрели на меня. А парнишка уже из последних сил руками по грязи колотит.

- Чем же? Тем, что слабее? Тем, что с вами, дубинами, не справился? - сидя на земле, я зло вытирала слезы, которые неспрошено полились из моих глаз.

И тут Всемир, который стоял в стороне и в издевательствах участия не принимал, достал из-за пазухи кутенка. Мокрого, грязного, дрожащего.

- Когда мы мимо проходили, он этого щенка в луже топил и то же самое приговаривал.

У меня слезы вмиг высохли. Глянула я на барахтающегося в луже парня, и мерзко вдруг стало, что такие на свете живут. Еще и заступиться за него пыталась. Тьфу! Встала я, отряхнулась, подошла к Всемиру, погладила щенка. Он так жалостливо на меня посмотрел, что аж сердце защемило.

- Отдай мне, я его выхожу.

И не дожидаясь ответа, взяла щенка, прижала к груди и домой скорее.

- Хватит с него. Думаю, теперь ты запомнил, что негоже животину обижать. Пожалуйся кому, хуже будет, - услышала я уходя.

Захожу во двор, а сердце из груди вырывается. Мать увидит, за косу оттаскает. Так что я в клеть унесла кутенка, в шкуры его посадила да простокваши налила. Щенок сначала недоверчиво обнюхивался, потом неуверенно, на трясущихся лапах подошел к миске и принялся жадно лакать.

- Ешь, дружок, не отнимет никто. А доешь, я тебя выкупаю, воды только нагреею.

И тут меня как холодом обдало. Коромысло то оставила! Подобрала я подол и что есть прыти рванула, пока мать не вышла.

- Будьте вы неладны, Скрытники недоделанные! - бегу и про себя ругаюсь. Вот и подворотня знакомая, а ведер моих нет как и не было. Ой, что будет. Ой, пропала! Убьет меня мамка, Лешего помянуть не успею!

- Эй, куда несешься? Слепни за тобой гонятся? Или пожар где? - окликнул меня знакомый голос. И правда, Всемир стоит, к столбу прислонился. И ведра мои с коромыслом при нем.

Остановилась я, отдышалась, и только потом ответила с облегчением:

- Был бы где пожар, уже б сгорело все к чертовой матери. Спасибо, что покараулил.

- Смелая что ли, черта поминать?

- Да ему и дела да меня нет.

Только я хотела ведра взять, как Всемир подхватил коромысло, да через одно плечо перекинул.

- Показывай дорогу, донесу.

Я так оторопела, что даже не нашлась с ответом. Все слова из головы вылетели и язык словно к небу присох. Только и смогла рукой махнуть, мол туда, и засемила с Всемиром рядом. Он и бровью не повел. Идет, под нос себе тихонько насвистывает, словно не с водой ведра несет, а с пухом. И я молчу, да иногда косо на него поглядываю. Плечи у него широкие, руки сильные. Глаза голубые-голубые, кудри русые. Все девки на него заглядываются. А я не как все. Но порой нет-нет, да засмотрюсь.

- А ты чего в Скрытники не пошел? - спросила я, нарушив тишину. Спросила и пожалела. Во дура! Молчала, вот и шла бы себе молча.

Всемир только весело глянул на меня:

- Так я ж первый сын. Был бы третьим, пошел.

И правда ведь! Третьего сына в Скрытники отдают. Первый - наследник и приемник, второй - подмастерье в городе. "Третий рот - пустой живот", - вспомнила я поговорку. Так принято. Нет третьего сына, второго берут. А коли один, то спора нет - без наследника никак.

- Себе щенка оставила?

- Себе.

- Ну, значит не пропадет

И снова молчание воцарилось. Переживает, значит сердце доброе. Ох и повезет же кому-то.

- Дальше я сама, давай сюда.

Я потянулась за коромыслом, но Всемир даже не глянул на меня.

- До порога донесу, негоже девке натружаться.

На моем лице заиграл румянец. Не Короста и не зараза. Девка - о, как! Не припомню, чтоб кто-то так меня называл.

До избы мы дошли до обидного скоро, я и не заметила, как родная ограда перед глазами вырлсла.

Всемир, как и сказал, до порога коромысло донес. Умылся тут же из ведра и, ни словом не обмолвившись, ушел. А я стояла и смотрела ему вслед, пока из виду не пропал.

- Гневка! Где тебя носит, глупая ты девка! - я даже не сразу поняла, что это на меня кричат, - ушла за водой, а как за смертью послали!

Мать всегда кричит на меня, я уже привыкла. Она иначе со мной не умеет, такой у нее нор.

- К корчме ходила, - соврала и глазом не моргнула, - на товарной народу много. К празднику же все готовятся.

И не дождавшись ответа, взяла ведра и в хату пошла. А в голове все мысли об одном. Ох, глупая. Кто на такую уродину глянет? Даже Оська носом крутит, а тут Всемир! Он любую девку себе получит, стоит пальцем поманить. А до Коросты ему и дела нет.

К вечеру изба была вычищена, сарафаны выстираны. Славомир с отцом с полей вернулись, младшие с гулек. А за кутенка мне ничего не сделали. Славлмиру он очень понравился, сказал оставлять. А ему уже никто слова против не скажет.

- А что, пасть у него черная, клыки крепкие. Добрым кобелем будет! - сказал отец, после беглого осмотра, - только страшный, что мои старые портки!

На том и сошлись, Портком назвали. Псу не все ли равно? Главное, теперь будет есть до сыта, да спать в тепле. А воды с тех пор стал сторониться и к чужим с недоверием относится. Много ему горя сделали, и в этом мы с ним похожи.

<http://tl.rulate.ru/book/2048/40120>